

Тоурбергюр Тоурдарсон

**КАМНИ
ГОВОРЯТ**

Paulsen

2024

УДК 821.113.3-31
ББК 84(4ИСЛ)-44
Т50

Dórbergur Þórðarson
Steinarnir Tala

Книга издана при финансовой поддержке
Исландского литературного центра

ICELANDIC LITERATURE CENTER

Тоурдарсон, Тоурбергюр.

Т50 Камни говорят / Тоурбергюр Тоурдарсон : роман ; пер. с исл. А. Мельников ; предисл. О. Маркелова. — Москва : Паулсен, 2024. — 328 с. ; ил. 8.
ISBN 978-5-98797-386-8

Конец XIX — начало XX в. Юго-восточное побережье Исландии. На хуторе Хали, зажато между скалами и океаном, живет мальчик по имени Тоурбергюр. Родной хутор, загадочные ночные всадники, смерть любимого коня, попавшие в западню овцы, взаимоотношения со взрослыми, первый опыт стихосложения и, конечно, таинственная и завораживающая жизнь камней — все это многие годы спустя описал в автобиографическом романе «Камни говорят» ставший писателем Тоурбергюр Тоурдарсон. Повествователю важны в первую очередь не события и не житейские перипетии, а собственные душевные переживания, мысли, фантазии, детские впечатления. Вместе с тем несомненный интерес представляют реалистические картины исландской природы, быта хуторян и традиционного уклада жизни, присутствующие в романе.

УДК 821.113.3-31
ББК 84(4ИСЛ)-44

ISBN 978-5-98797-386-8

© Forlagið, 2008
© Мельников А. С., перевод, 2024
© Маркелова О. М., предисл., 2024
© ООО «Паулсен», 2024

Предисловие

Знатоки исландской литературы, называя прозаиков XX века, оказавших наибольшее влияние на развитие исландской прозы и обладавших ни на кого не похожим стилем, наряду с именем хорошо известного в нашей стране Халльдоура Кильяна Лакснесса непременно упомянут и Тоурбергюра Тоурдарсона (1888–1974).

Не будь Тоурбергюр писателем, он имел бы все шансы стать героем увлекательного романа. Он родился в сельской местности в Юго-Восточной Исландии — в краю, который в начале XX века считался глушью и в котором были живы старинный быт, способы ведения хозяйства и традиционная народная культура, в том числе устная словесность. В юности Тоурбергюр уехал из родных мест, успел побыть коком на рыболовецком траулере, поголодать в студенческие годы в Рейкьявике, потрудиться на физических работах, попреподавать в высшем учебном заведении. Тоурбергюр много занимался самообразованием и порой интересовался областями знаний, непривычных для средне-статистического исландца. В середине 1920-х годов

он увлекся эсперанто, стал активно пропагандировать этот язык и написал по нему учебник, став основоположником эсперантистики в Исландии; по его мысли, этот международный язык мог бы помочь спасти культуру малых народов от забвения. Тоурбергюр много ездил по Исландии и Европе, а в 1935 году побывал в Советском Союзе. Однако социалистические убеждения не мешали ему интересоваться теософией, оккультизмом и верить в фольклорную нечисть.

Первыми книгами Тоурбергюра были сборники футуристических стихов: «Половины подошв» (Hálfir skósólar, 1915) и «Лохмотья мудреца» (Spaks manns spjarir, 1917) — оба изданы им под псевдонимом Styr Stofuglamm. В 1922 году они были объединены в книге «Белые вороны» (Hvítir hrafnar). В 1924 году у Тоурбергюра вышла первая книга прозы — «Письма Лауре» (Bréf til Láru), тотчас ставшая предметом живых дискуссий у всей читающей публики Исландии. Подобной прозы в исландской литературе до тех пор не было: книге присущи сплав автобиографизма и фантастики, сшибка возвышенных и низменных жизненных явлений, откровенный эпатаж и, не в последнюю очередь, — сложные эксперименты со стилистикой. Исландский литературовед Хеймир Паульссон дает жанру и стилю этой книги следующую характеристику: «Там все смешалось: письмо, эссе о политике и религии, фольклорные рассказы, более или менее самосто-

ятельные фрагменты обо всем на свете. Стилль был многообразным, ведь автор, по собственному признанию, одинаково блестяще владел шестью стилями: "канцелярским, научным, повествовательным, фольклорным, пророческим и развлекательным"^{*}. Эта характеристика по большому счету приложена ко всей художественной прозе Тоурбергюра — а в его творческом наследии насчитываются девять книг прозы, вышедших при жизни автора, а также немалое количество биографий выдающихся соотечественников, дневников, писем, публицистических текстов. Среди последних — сборник статей и очерков о поездке в Советский Союз, озаглавленный «Красная угроза» (Rauða hættan, 1935): для читателей, знакомых с убеждениями автора, иронический характер такого названия не вызывал сомнений. Несколькими годами ранее аналогичную поездку (также увенчавшуюся созданием книги путевых очерков) предпринял Халльдоур Кильян Лакснесс...

Тоурбергюр Тоурдарсон и Халльдоур Лакснесс были современниками, коллегами (в частности, в 1950—1970 годах Лакснесс возглавлял общество культурных связей Исландии и Советского Союза «МИР» — Menningarsamband Íslands og Ráðstjórnarríkjanna, а Тоурбергюр Тоурдарсон

^{*} Heimir Pálsson. Sögur, ljóð og líf. Íslenskar bókmenntir á tuttugustu öld. Reykjavík : Vaka — Helgafell, 1998. Bls. 43.

был его вице-председателем) и обладали сходными мировоззренческими и эстетическими установками, поэтому здесь нельзя не упомянуть об их взаимоотношениях. Известно, что Тоурбергюр относился к стилю Лакснесса критически, считая, что тот просто вносит в текст своих романов слова и выражения, почерпнутые из разных источников и лишённые органической связи с окружением автора, и порой употребляет их в неверном значении. Современники отмечали, что характеры обоих писателей были диаметрально противоположны: если Халльдоур был щепетилён и озабочен мнением окружающих о себе, то Тоурбергюр, напротив, искренен и лишен тщеславия, присущего Лакснессу. После смерти Тоурбергюра Лакснесс написал некролог, в котором отметил, что они с Тоурбергюром были друзьями*.

Ранее на русский язык переводилась лишь пара стихотворений Тоурбергюра и одна книга прозы — «Исландское дворянство» (Íslenskur aðall, 1938), вышедшая в переводе В. П. Беркова в журнале «Звезда» в 1957 г. в сокращённом варианте, озаглавленном «На пути к любимой»**. А теперь отечественным читателям предстоит знакомство ещё с одной его книгой — «Камни говорят» (Steinarnar tala, 1956).

* Pétur Gunnarsson (2002). «Halldór og Þórbergur». Vefsíða Þórbergsseturs. https://www.thorbergur.is/index.php?option=com_content&view=article&id=86:halldor-og-thorbergur-14-3-2002&catid=16&Itemid=120.

** См. <https://odri.msk.ru/?p=6651>.

«Камни говорят» — первая книга в так называемой тетралогии о родных краях автора, местности Сюдюрсвейт на юго-востоке страны. За ней последовали произведения «О странах и народах» (*Um lönd og lúði*, 1957), «Сумеречная опера» (*Rökkuróperan*, 1958) и «Четвертая книга» (*Fjórða bók*, 1974). После Второй мировой войны в исландской литературе расцвел жанр биографии и автобиографии: «Разрыв между поколениями был очень резким; старшее хотело сбросить воспоминания о былом общественном укладе для поколений грядущих и таким образом попытаться навести мост через образовавшуюся после войны драматическую пропасть между поколениями»*. Жанрковая природа этого произведения сложна (впрочем, то же можно сказать и о других книгах Тоурбергюра). В нем есть постоянные персонажи и дается представление об их взаимоотношениях — однако четко выраженной фабулы нет.

Это произведение автобиографическое: повествование начинается до рождения героя-рассказчика, затем подробно описываются обстоятельства его рождения, детство, взросление. Однако автобиографизм этот имеет совершенно особый характер: главным объектом интереса оказываются не внешние события, а душевные движения, мысли, эмоции, фантазии — словом, все те «мелочи», которые

* Dagný Kristjánsdóttir. *Öldin öfgafulla*. Bjartur, 2010. Bls. 130.

невозможно внести в анналы и запротоколировать в официальных документах, но которые тем не менее крайне важны для становления личности и формирования мировоззрения, особенно если речь идет о писателе. Книга рассказывает, как у героя-рассказчика зарождаются первые представления о родине, Боге, течении жизни, хуторском укладе, этических нормах. Описаны первые детские впечатления, в том числе такие, какие современные педагоги сочли бы неприемлемыми для ребенка: похороны односельчан, смерть людей и животных и даже случаи живодерства (которого рассказчик не может простить хуторянам). Люди на отдаленном хуторе рубежа XIX–XX веков, расположенном между горами, грозящими обвалом, и бурным океаном, подвергались смертельной опасности.

Возможно, эпитет «суровый» по отношению к быту на таком хуторе кажется стертым — однако совершенно правомерным. До середины XX века постройки на исландских хуторах представляли собой полуземлянки, сложенные из камней и дерна, с дерновой же крышей. Фасады могли быть деревянными — если удавалось раздобыть древесину, а полностью деревянное жилище позволяли себе лишь очень зажиточные люди в торговых поселках. Подобным образом сооружались хозяйственные постройки и хлева для скота — они могли соединяться с жилым домом особыми коридорами. (Планировка хуторов варьировалась.) В помещениях было

темновато и тесно, особенно если учесть, что жило в них всегда много народу, и даже в кроватях из-за тесноты обычно спали по двое. Постройки из камня и дерна были не очень долговечны и легко разрушались от времени и воздействия стихий.

Такие постройки могут показаться эстетически непривлекательными, но нельзя забывать, что именно в землянках на хуторах в минувшие века создавались шедевры исландской словесности. Появление «полноценных» городов на острове началось не ранее второй половины XX века, точнее, речь шла — и, пожалуй, до сих пор идет — всего об одном городе: столице.

В наше время на родном хуторе Тоурбергюра Тоурдарсона в Сюдюрсвейте учрежден музей писателя. Внешний вид хуторских построек времен детства Тоурбергюра запечатлен на фотографиях и рисунках.

Сельский быт — от способов сбора кизьяка для отопления до исполнения шедевров народной поэзии — отражен в книге «Камни говорят» с этнографической точностью. Однако описания старинного уклада не самоценны, а служат прежде всего мизансценой для событий внутренней жизни героя. Еще в «Письмах к Лауре» Тоурбергюр сформулировал принцип: «Мир мыслей для меня даже более реален, чем видимый мир». В книге «Камни говорят» в центре внимания именно «мир мыслей». Речь может идти о мыслях, продиктованных обще-

распространенными представлениями, — например, повсеместной верой в фольклорную нечисть. (Так, юный герой-рассказчик видит существо, якобы живущее в отсеке для кизячного топлива, встречает привидений и представителей «скрытого народа».) Также описаны сугубо личные представления: например, довольно большой фрагмент книги посвящен ассоциациям, которые вызывают у рассказчика слова родного языка, порой самые обыденные. Эти описания крайне импрессионистичны — но импрессионизм глубоко укоренен в исландской сельской культуре. В «мире мыслей» автора существенное место занимают начатки научного мышления: увлекательны и полны драматизма рассказы, как он, в отсутствие измерительных приборов, разрабатывает собственную систему измерения расстояния или, притаившись за дымоходом на крыше, старается не пропустить момент, когда солнце окажется точно в зените.

В исландском литературоведении существует термин *skáldævisaga*, составленный из слов (*sjálfs*) *ævisaga* — «(авто)биография» и *skáldsaga* — «роман», то есть беллетризованная (авто)биография с определенной (порой существенной) дозой поэтического вымысла. Это жанровое определение как нельзя лучше подходит большинству книг Тоурбергюра Тоурдарсона.

Художественный стиль Тоурбергюра оказал влияние на прозу Гвюдберга Бергссона, одна из са-

мых знаменитых книг которого, «Тоумас Йоунссон бестселлер» (Tómas Jónsson metsölubók, 1966), тоже представляет собой радикальный стилистический эксперимент в модернистской манере, а также ряда более молодых писателей — Гирдира Элиассона, Кристин Оумарсдоттир и др.* Отношение последующих поколений исландских писателей к творчеству Тоурбергюра могло быть неоднозначным. Например, Хатльгрим Хельгасон в романе «Автор Исландии» (Höfundur Íslands, 2001) устами героя-рассказчика аттестует Тоурбергюра как писателя, который «записывал собственные причуды и наиглупейшие странности достойными слез буквами», но при этом не был способен на полет фантазии.

Почему в заглавии книги фигурируют именно камни? Рассказчик вспоминает о совершенно определенных плоских камнях, которыми была вымощена дорожка, ведущая к жилому дому на хуторе; они были привезены издалека и, если б умели говорить, очевидно, с радостью рассказали бы любознательному мальчику о своих родных краях. Но в этом тексте упоминается и множество других «камней», которые могут что-то рассказать: погибельные скалы; утесы, с которых приходится снимать овец, не способных спуститься с высоты самостоятельно; шхера, которую заливают водой во время морских приливов, и из-за этого юно-

* Dagný Kristjánsdóttir. Öldin öfgafulla. Bls. 132.

му рассказчику кажется, что она меняет размер... Камни в книге имеют отношение не только к физическому миру (строительный материал, географические объекты), но и к воспоминаниям героя и, что важно, к истории родного края. Когда герой видит валун, невесть когда скатившийся в долину со склона, он сокрушается, что в Сюдюрсвейте не принято вести летописи и никто не может сказать, когда именно этот валун попал туда. Камни и скалы окружены преданиями об эпохе заселения Исландии. Но размышления о давно прошедших временах (на которые натолкнул рассказчика вид поросших мхом валунов) идут в книге рука об руку с рассказом об односельчанке, которая умела предвидеть грядущие события. И в итоге рождается оригинальная философия времени, вкратце сводящаяся к постулату, что будущее тоже уже где-то свершилось, как и прошлое. Автобиографический герой Тоурбергюра Тоурдарсона укоренен в сельской жизни ушедшей эпохи — но его помыслы нацелены в будущее.

О. А. Маркелова

От переводчика

При передаче имен и географических названий автор перевода руководствовался общепринятым принципом фонологической транслитерации с исландского языка на русский. Древнеисландские имена (звучание которых порой отличается от их современных аналогов) транслитерируются в соответствии с традицией, принятой в русских переводах исландских саг. Практически все местные топонимы составлены из известных слов и несут какой-либо смысл (напр. Мосаклеттюр — Мшистый Утес); обычно они приводятся в тексте в транслитерированном виде на исландском. Иногда, если это необходимо для лучшего понимания текста, в скобках дан их русский перевод. Прозвища людей и клички животных ввиду их смысловой нагрузки даются сразу в русском переводе.

Стихотворные отрывки, за исключением двустихия на с. 187, переведены Ольгой Александровной Маркеловой.

Благодарю Вильхяульмюра Гисласона и Кристьяуна Эйрикссона, а также сотрудников Института исландского языка им. Аурдни Магнуссона

за помощь в прояснении переводов целого ряда устаревших слов и понятий в тексте Т. Тоурдарсона. Автор английского перевода оригинала (*The Stones Speak / Mál og menning*, Reykjavík, 2015) Джулиан Мелдон Д'Арси, а также его многочисленные исландские информанты, сами того не подозревая, оказали нам помощь в распутывании некоторых сложных мест в книге. Разумеется, это не отменяет того, что мы с Джулианом Д'Арси порой по-разному подходили к оригинальному тексту, так что настоящий перевод книги не следует считать слепком с английского. Кандидат географических наук Мария Вадимовна Михайлова оказала большую помощь в научном редактировании фрагментов текста, касающихся особенностей гидрологии Лагуны.

А. Мельников

1

Весной 1886 года в области Сюдюрсвейт наступила прекрасная пора — у многих жителей сислы* Восточный Скафтафедль** появился повод для большой радости. В последнюю неделю месяца Гоуа*** на них снизошло благословение Господне. На востоке Сюдюрсвейта в шхерах Хаульсаскер села на мель большая шхуна из французского города Дюнкерк. Все члены экипажа спаслись, перебравшись в одну шлюпку, а из нее уже на лодках — французских и исландских — добрались до берега в районе пляжа Бьядна-Хрёйн. Там, в центре Сюдюрсвейта, находилась рыбацкая гавань. Когда опять начался прилив, неуправляемая шхуна сошла с мели, и ее стал носить туда-сюда к западу от Бьядна-Хрёйн слабый восточный ветер. Впечатляющее зрелище!

Людей охватило крайнее возбуждение. Они стояли возле домов на тропинках и на траве или выгля-

* Сисла — устаревшая единица административного деления в Исландии. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

** Восточный Скафтафедль — район на юго-востоке Исландии.

*** Гоуа — месяц традиционного исландского календаря, начинающийся в неделю между 18 и 24 февраля. Примерно соответствует месяцу Рыб в астрологическом гороскопе.

дывали из окон с возрастающим страхом. Где при-
бьет к берегу это большое судно? А шхуна уходила
все дальше и дальше. Она оказалась западнее бере-
га Брейдаболсстадюра, откуда неторопливо про-
должила свой путь, каждую минуту приближаясь
к границам между областями Сюдюрсвейт и Эрайви.
Хочется надеяться: Господь на небесах не допустит,
чтобы шхуну выбросило на пески Эрайвафьёрю!
Несколько мужчин побежали за ней по песчаному
берегу в западном направлении: если шхуну выбро-
сит на берег, то они закрепят на ней канаты, чтобы
ее снова не унесло в открытое море. Сейчас шхуна
оказалась у пляжа Фелльсфьяра — за ним сразу на-
чинаются пески Эрайвафьёрю. Судно постепенно
приближалось к берегу. Люди перебежали от хутора
к хутору, спрашивая друг друга: «Как ты думаешь,
шхуна доберется до Фелльсфьяры?» — «Во всяком
случае, осталось совсем чуть-чуть».

«Ну вот! Больше не видно воды между шхуной
и берегом», — говорили люди, стоявшие на тропин-
ках. Потом все поднялись на крыши домов — по-
смотреть, есть ли еще вода между судном и землей.
Люди не довольствовались зрелищем мачт и парусов
над песчаным берегом. Им хотелось как можно долъ-
ше любоваться этим величественным судном, трюм
которого наверняка наполнен ценными грузами.

— Между шхуной и берегом небольшое расстоя-
ние.

— Что-то я его не вижу.

- А теперь между ними совсем нет промежутка!
— Однако судно несет на запад?
— Да, оно приближается. Кажется, вот-вот коснется дна.
— Поэтому-то скорость и упала?
— Да, теперь остановилось. Не движется, попало на мель. Его прибило к берегу!
— И слава Богу!
— Да это настоящий дар Божий!
— Надеюсь, беднякам на судне удалось добраться до берега живыми?

Шхуну прибило к берегу в восточной части Фелльсфьяры напротив старого хутора Федль на самом западе Сюдюрсвейта. На корпусе шхуны совершенно не было никаких повреждений, если не считать того, что руль оказался не в порядке.

«Какая прекрасная добыча», — говорили люди, обнаружившие большие запасы бесподобных белых булочек, картофеля, сала, соли, угля, красного вина, коньяка, рыболовных снастей, крючков, грузил, ножей, парусов, веревок и проволоки. Из мачт, рей, бушприта* и корпуса шхуны они потом получили много древесины. Гвозди разных размеров и крупные железяки можно было класть на крыши домов и на стога сена, чтобы их не сносило в непогоду. А вот рыбы в трюмах шхуны оказалось мало.

* Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусного судна.